

Меня можно назвать счастливым человеком — всю свою жизнь я занимался любимым делом. Сколько себя помню, я всегда мечтал стать строителем: меня завораживали монументальные сооружения в своём лучшем проявлении — точном и изящном сочетании архитектурного искусства и инженерной мысли. Не случайно, когда мне исполнилось двенадцать лет, я на тумбочку перед своей кроватью поставил фотографию Золотых Ворот — знаменитого вантового моста, творения, которое и по сей день на семинарах по архитектуре рассматривается как образец высочайшей эстетики.

После школы у меня даже не возникло вопроса о будущем пути: мне кажется, всё было решено, когда я впервые увидел фотографию Золотых Ворот. Я поступил в архитектурный институт, и родителям только оставалось порадоваться целеустремлённости единственного сына. А после окончания института я попал в конструкторское бюро по проектировке мостов и тоннелей. Стоит ли говорить, что я был счастлив: я был молод, занимался любимым делом, и будущее представлялось мне безоблачным.

А потом я познакомился с Таней — девушкой, сумевшей показать мне, что для счастья одной работы мало. Мы встречались почти год и были оба счастливы — по крайней мере, мне так казалось — до тех пор, пока она меня не бросила. В тот злополучный вечер мы очень сильно поругались.

— Ты меня не любишь! — кричала она мне.

Её щеки покраснелись, глаза блеснули. Она была красива в своей запальчивости.

Я стоял у порога, с куртки на пол капала вода — в тот день шёл дождь. По пути к ней я купил её любимые хризантемы. Теперь же забытый букет лежал на трюмо в прихожей.

— Для тебя важнее всего работа. И я думаю, что нам лучше расстаться.

И от того, как сухо она это произнесла, у меня заныло в том месте в центре груди, где сходятся все нервы. Мне было ясно, что решение она уже приняла. А когда Таня принимает решение, переубедить её очень сложно.

Мы с ней не виделись почти два месяца. Я думал о ней постоянно. Больше всего меня занимал вопрос: как она проводит выходные? Так же, как и я, в одиночестве или с кем-то встречается? Несколько раз я набирал её номер, но каждый раз нажимал кнопку «Отбой» сразу же после первых гудков.

Я был обижен, и я был горд. А ещё я был молод и глуп.

А потом одним летним днём мы с ней случайно встретились возле городского торгового центра. Глядя, как она спускается по ступенькам, как ветер играет её вьющимися волосами, как она улыбается чему-то своему, я понял, насколько же мне её не хватает.

И было ещё кое-что, подействовавшее на меня, словно удар электрическим током, — её летнее платье не могло скрыть округлившийся животик.

Но наш разговор в тот день получился очень коротким.

— Это не твой ребёнок, — сказала она тогда.

А на следующий день я уехал в командировку в далёкий таёжный уголок Иркутской области, где намечался очень крупный контракт — мой вариант Золотых Ворот — и необходимо было моё присутствие на месте будущей стройки.

И вы не хуже меня знаете, что работа позволяет отвлечься от грустных мыслей.

В тот день, когда я возвращался домой, шёл дождь — настоящий ливень. Я ехал на своей машине. Пообедал в

придорожном кафе, слушал радио, думал о нас с Таней. Я был готов принять всё как есть, согласиться с её выбором, понять, что она нашла другого. Но всё же мне было больно.

Я не могу точно вспомнить, когда именно у меня возникла идея заехать по пути домой к деду. Решение было спонтанным и, кажется, было принято, когда по радио Филипп Киркоров пел о жестокой любви и своём одиноком сердце — песню, написанную словно обо мне и Тане (а как же иначе — все песни о ней!). Я подумал о своей пустой холостяцкой квартире и решил, что не хочу туда возвращаться — по крайней мере, не в этот дождливый день. И поэтому, когда я подъехал к развилке с указателем, гласившим, что до посёлка Сухой двадцать километров, — я свернул в сторону посёлка.

Мои дедушка и бабушка всю жизнь прожили в Сухом. Но когда не стало бабушки — а случилось это, когда я учился на последнем курсе университета и жил с родителями, — дед переехал к нам. На семейном совете домик в посёлке решили не продавать. И каждую весну, как только сходил снег, дед собирал свой старый чемодан и отправлялся в Сухой.

Иногда я думаю, как бы всё сложилось, если бы я миновал развилку и сразу поехал в город. Но, в сущности, думаю, вопрос в другом: а был ли у меня действительно выбор?

Деревенские улицы встретили меня темнотой: вдоль дороги не горел ни один фонарь, лишь кое-где окна домов светились мягким, явно не электрическим светом. Я догадался, что в посёлке отключено электричество.

Я подъехал к дому деда. По крыше автомобиля стучал дождь, дворники едва справлялись с потоками воды. Я вылез из автомобиля, чувствуя, как быстро намокает рубашка, и направился к воротам.

Свет фар выхватывал из темноты бóльшую часть дома и часть двора. Дом выглядел тёмным и нежилым. У меня возникло сильное ощущение, что в доме никого нет, — чувство, которое я тогда списал на усталость. А потом в одном из окон появился свет.

Дед встретил меня с радостью. И я был рад его видеть. Это особое чувство, когда приезжаешь туда, где тебя любят и ждут, дано испытать тем, кто вырос в крепких семьях, чувствуя заботу и поддержку близких. И в этом меня тоже можно назвать счастливым человеком.

Дед выбежал встречать меня с зонтиком, и в темноте я не увидел, как он изменился. Лишь когда мы вошли в дом и прошли в полутёмную комнату — единственным источником света была стоявшая на столе керосинка, — я заметил, как он осунулся.

— Да я тут приболел маленько, — сказал он, — но теперь всё хорошо, иду на поправку.

Неровный свет керосинки создавал глубокие тени на его лице, но голубые глаза светились радостью.

— Ты, наверное, голодный с дороги, — дед внезапно засуетился, — я ничего не готовил.

— Не готовил? — спросил я, почувствовав укол вины: пожилой человек живёт один, болеет, и некому приготовить для него поесть.

— Да просто электричество отключили из-за грозы, ещё днём. Но кое-какие запасы у меня имеются, и я могу тебя накормить.

— Не надо, — я вспомнил, что в машине у меня целый пакет еды, которую я накупил в дорогу, — я сейчас.

Я взял мокрый зонт и вышел из дома. Дождь стал немного стихать, но всё равно это был настоящий ливень. Не глядя по сторонам, я добежал до машины, открыл дверцу, схватил объёмистый пакет и припустил обратно к дому.

Когда я вошёл, дед доставал тарелки из кухонного шкафчика. Наскоро мы соорудили холостяцкий ужин: бутерброды с колбасой и паштетом. Я растопил печку, чтобы вскипятить воду, и в доме сразу стало теплее и уютнее.

Всем известно, что бывают папины дочери и маменькины сынки. Ни разу не слышал, чтобы в этом смысле говорили о дедушкиных внуках, но, думаю, мой случай можно отнести как раз к такому: если я и мог с кем-то откровенно поговорить о своих проблемах, так это с дедом.

— Ну что у тебя с Таней? — спросил дед, когда я уже умял добрую половину бутербродов.

Сам он, насколько я заметил, к еде даже не притронулся. Только курил свои сигареты без фильтра. Теперь, по прошествии многих лет, когда я вспоминаю деда, всегда вижу его с сигаретой и неизменным мундштуком.

Я ожидал этого вопроса и был рад, что дед спросил. Думаю, мне нужно было выговориться, и я нуждался в совете. И я рассказал деду всё. Кое-что он, конечно, знал — то, что мы с Таней расстались, для него не было секретом.

Я рассказал, что Таня ждёт ребёнка. И в тот вечер я позволил себе быть откровенным — прежде всего с самим собой — и признал, что в нашем расставании есть доля и моей вины: в последние месяцы я уделял Тане совсем мало внимания. Думаю, я подсознательно жертвовал нашими отношениями ради работы. Я действительно любил свою работу, и я был честолюбив. Теперь, оглядываясь назад, я это ясно вижу. Некоторые молодые люди настолько жаждут продвижения наверх, что готовы положить на алтарь очень и очень многое.

Дед некоторое время молчал, потом затянулся сигаретой через мундштук и задумчиво протянул:

— Да-а уж... Ну и что ты будешь делать?

— Я думаю, поступлю так, как сказала мне Таня: забуду про неё.

Дед затянулся ещё раз, выпустил струю дыма.

Мы сидели в кругу тёплого света керосинки. Вокруг нас громоздились тени.

— В людях я разбираюсь, — наконец сказал дед. — И про Таню я могу сказать вот что: она по-прежнему тебя любит. Любит настолько, что готова уйти, лишь бы не мешать тебе. Не быть для тебя обузой.

Я уставился на деда. Тот был серьёзен как никогда.

— А ребёнок? — спросил я.

Дед сделал рукой неопределённый жест, подыскивая слова:

— Поверь моему жизненному опыту. Я вижу эту девочку насквозь. Ты станешь папой, а я прадедушкой.

И тут дед позволил себе улыбнуться.

В тот вечер уверенность деда заставила меня задуматься. Мы проговорили до поздней ночи, а когда, наконец, погасили керосинку и легли спать (дождь к тому времени прекратился), я долго лежал без сна. Деду, видимо, тоже не спалось. Я слышал, как он вставал, выходил из дома курить. Затем, когда ко мне пришла долгожданная дрёма, я почувствовал, как прогнулся матрас на краю кровати, когда ко мне подсел дед.

— Ваня, спишь?

Сквозь дремоту я вроде бы что-то попытался ответить.

— Послушай меня, это твой ребёнок. Даже не сомневайся.

Я чувствовал, как дед гладит меня по голове.

— Благословляю вас, детки,— прошептал он.

А затем я провалился в сон.

Когда я проснулся, ещё не открывая глаз, я понял, что в доме я один. Я поднял голову. Кровать деда была заправлена ровно-ровно, как он это делал всегда. Я медленно поднялся. Шея и спина затекли, но голова была ясной. Впервые за многие месяцы я точно знал, что мне следует делать.

Я вышел из дома. Солнце уже успело подняться над горизонтом, и первые утренние птахи пробовали голос. Я обвёл взглядом мокрый от прошедшего ливня двор — солнечные лучи сияли, преломляясь в бесчисленных каплях,— и подумал, что давно у меня не было такого хорошего, ясного утра. Но куда в столь ранний час мог уйти дед?

Я уже собрался было вернуться в дом, когда услышал, как к нашим воротам подъехал автомобиль. Через частый штакетник забора я — с немалым удивлением — увидел машину родителей.

Родители не ожидали встретить меня у деда, ведь я не сообщал им о своём приезде. Только их реакция в то утро больше напоминала испуг, чем удивление.

И ещё до того, как мама начала говорить, я понял, что случилось что-то плохое. Как оказалось, до меня пытались дозвониться, но не смогли — и я не был этому удивлён: со

связью там, я провёл последнюю неделю, действительно были проблемы.

А затем мама обняла меня и сказала:

— Дедушке стало плохо, и ему становилось всё хуже и хуже. Он хотел дождаться тебя. Но... — здесь её голос дрогнул, а глаза наполнились слезами, — он не смог... Мы похоронили его вчера.

Я помню, что в тот момент — самый ужасный в моей жизни — я словно раздвоился: один я хотел сказать, что дед живой, а другой я...

Я медленно оглянулся.

Слёзы туманили глаза, и всё же я видел, что двор неуловимым образом изменился. Сначала я не мог понять, в чём именно, а потом увидел: трава, которую дед обычно выкашивал, была слишком высокой, а окна без занавесок создавали ощущение, что дом пустует. Я вспомнил свои чувства, когда подъехал к дому вчера...

Дед...

Мой рассказ подходит к концу. Если вы хотите знать поступил ли я, как мне посоветовал дед, то отвечу вам, положив руку на сердце: да, я поступил согласно данному мне совету и ни разу не пожалел об этом. Помните библейское: «Кто найдёт добродетельную жену? Цена её выше жемчугов»? Так вот, я нашёл свою добродетельную жену. И в этом меня тоже можно назвать счастливым человеком.

Как-то я провёл своё небольшое расследование в центральной городской библиотеке, пытаюсь разузнать всё о том, как наше подсознание может давать сигналы сознанию. Я много думал о том, что порой эти сигналы могут принимать самые причудливые формы.

А ещё я думаю о том, что любовь иногда может делать больно. И ещё я думаю о любви наших близких — той любви, что оберегает нас, для которой не существует преград, той любви, из которой наша жизнь, по сути, и создана...